

ЭТО было, как в детстве, Стоишь перед зеркалом в пустой квартире, читаешь стихи, воображаешь себя то одной героиней, то другой. А когда оканчиваешь читать, вдруг раздаются хлопки. Откуда? Ведь в комнате никого не было. Не оборачиваясь, лихогадочно краснела. Повторяла в мыслях каждый свой жест. Ах да, дверь забыла закрыть на крючок! Значит, «зрители» спокойно вошли.

Дома такими неожиданными «зрителями» становились отец и мать...

Она и сейчас покраснела, как тогда. И поздравления, цветы, улыбки еще не доходили до сознания. Не могла понять, почему поздравляют ее, диктора-переводчика. Все делала, как обычно. За несколько минут до начала спектакля проверила связь, включила предупреждение, висящее над комнатой переводчика: «Посторонним вход воспрещен!»

Начался спектакль. Зрители были в зале, смотрели на сце-

Это была ее первая роль. Вернее, не одна роль: как диктор, играла каждого, говорила за него. Словно все были молчаливыми тенями. Она играла, не видя, что происходит на сцене. И, конечно, не думала о том, что кто-то будет невольным «зрителем» ее игры. Она просто играла перед маленьким зеркальцем, которое установила на столе. Правда, в нем были видны только губы. Что ж, она играла губами, дыханием, сердцем.

Утром выдался свободный час. Пошла гулять по городу. Теперь уже не блуждала по Москве, как в далекие студенческие дни. Даже смешно вспомнить, как бросалась от одного прохожего к другому, спрашивая, как пройти к театру. Она тогда занималась в Кишиневском институте искусств имени Музическу.

...Подождал на занятиях педагог:

— Скоро кончается первый курс, а у тебя задолженность! Почему не сдаешь?

шалась в огромнейшую паузу...

Когда сыграла, услышала: — Ах ты... Значит, есть в тебе дар! А ведь сама начала сомневаться, да и другим голову морочила.

Значит, был дар. Это говорили и зрители, когда хвалили ее переводы и советовали готовиться к сцене серьезно. Она и сама все годы мечтала о роли. Не играть же всегда перед зеркалом. Но после института — замужество, ребенок...

...Пришла в Молдавский академический театр имени А. С. Пушкина. Ей предложили — переводчиком. Сколько раз плакала в подушку, сколько раз казалось, что это место предложили потому, что не видят в ней антрису, считают невзрачной, маленькой, тихоголовой...

Все было не так. Опытные режиссеры понимали, что и дня нельзя жить антре без репетиции, а она, начинающая, упустила после института несколько лет. Ей нужно было опять привыкать к свету прожекторов, гулу зрительного зала...

ственной самостоятельности, утренниках, сборах...

Пришла с ними и в институт.

— Ты куда, девочка? — спросил швейцар.

— Поступать! — ответила Галя.

— Так ведь еще в школах экзамены выпускные даже не начались. Ты сама, пооди, десятый только кончаешь...

И в самом деле, она только через месяц заканчивала десятый. А разве это важно? Обязательно сдаст, а вот сейчас ей нужно встретить одну знакомую девушку. Хочет поговорить, чтобы та упростила педагогов институте прослушать Галино чтение.

Девушку знакомую она нашла, выступила перед преподавателями (хоть минутку послушайте!).

— «Волк и ягненок» я дочитала до середины. — рассказывает Галя. — преподаватели просто сказали: «Хватит!» Прочла отрывок из романа Фадеева, затем стихотворение Огарева. От волнения забыла четверостишие. Я думала, что все разойдутся, но меня попросили сыграть сценку: «Ты — десятиклассница, вечером бал, а платье еще не готово».

Она сыграла самое себя. И тогда ей сказали, что один тур прошла успешно, осенью может приехать на следующий.

Теперь ей предстояло играть Пиаф.

Она читала текст роли, но слова мертво падали на землю.

— Что я знаю о Пиаф? — спросила себя.

Вечером сидела в библиотеке, просматривала все журналы, книги, в которых хотя бы упоминается великая певица. Прочла и ее воспоминания. И, наконец, долго-долго, до полуночи, совсем тихо, чтобы не разбудить дочурку, вслушивалась в песни Пиаф, в ее голос, интонацию. Даже в парикмахерской сделала себе точно такую же причешку.

Репетицию начинала с того, что «обживала» декорацию, привыкала к ней, перевоплощалась...

Об этом спектакле, после премьеры с похвалой отзывалась пресса.

Затем были и другие роли — Альки в спектакле «Золотая карета» по пьесе Л. Леонова, Алены в «Голубых оленях» А. Коломийца, Клариче в «Слуге двух господ» П. Кальдероне.

Когда на здании театра появляется надпись «Окончание сезона» — это только для нас, городских жителей, театр — «на каникулах». Артисты в это время выехали в райцентры, села, поселки. За три летних месяца артисты Молдавского академического дали 20 спектаклей. Это значит: по несколько выступлений в день — и переезд из човое место, к новым зрителям.

На первый взгляд, может показаться, что такая трудная работа, разъезды, репетиции, ежедневные выступления не по силам худенькой, тихой Галине Друк. Однако вечером на сцене она кажется рослой, сильной, громкогласой, полной энергии и сил — такой, какой ее делает истинный талант.

Я. ТОПОРОВСКИЙ,
наш корр.

НА СНИМКЕ: Галина Друк в моноспектакле «Острова в океане» читает стихи филиппинских поэтов.

Фото А. Яцуна.

ПУТЬ Творческий портрет К ПЕРВОЙ РОЛИ

В редакционной почте много писем с одним и тем же вопросом: «Как стать актрисой!» Конечно, у всех начало этого пути — одинаковое. Еще в школе принимают участие в художественной самостоятельности, едут поступать в институт. А затем каждый идет своим трудным путем. У одного талант заметили сразу, а другой... Другой готов ради театра работать в нем простым рабочим, переставлять декорации, бить в лист железа за сценой, изображая гром...

Тяжело шла к первой роли, к своему призванию и девочка из Страшен Галина Друк, ныне артистка Молдавского государственного академического ордена Трудового Красного Знамени музыкально-драматического театра имени А. С. Пушкина.

ну, слышали через наушники ее голос. Театр гастролировал в Москве.

— Не подкачай, — просили друзья-артисты, — ведь люди хотят не только следить за нашей игрой, но и понимать, о чем ведем речь, чувствовать всю прелесть молдавского языка...

Она согласно кивала, но все-таки хотелось быть на сцене, сыграть хотя бы роль без слов. Просто появиться и уйти. А может, опять появиться?! Сцена, прожектора, глаза зрителей притягивали ее. Но даже два слова: «Кушать подано!» ей не доверили.

И вот сидит в маленькой комнатке диктора на самом верху, где-то под потолком, и боится пошевелиться: сильные микрофоны тотчас передадут зрительному залу скрип стула (будь он неладен!), и шелест бумаги (не отойти бы от текста!), и даже дыхание (как громко дышим, когда волнуемся!).

Такого еще никогда не было. Зрители, поблагодарив актеров, ринулись по лесенке вверх, к ней. Галя не успела даже положить микрофон на стол, так и держала в руках.

— Спасибо! Поздравляем! — Вы передавали даже те нюансы, которых не было в игре актеров! Замечательно сыграли!

Что она могла ответить? Монолог из пьесы «Коварство и любовь» Шиллера, который она должна была сдать, «разваливался на куски», не получался. Даже задумала: не получится — брошу, не выйду, видно, из меня антрисы. Хотела о своих неудачах рассказать педагогу, да почувствовала: начнет говорить — зальется слезами. Едва смогла произнести, чтобы дали два дня...

Никто не знал, куда она исчезла репетировать, в каком укромном уголке произносит великие слова драмы. А она улетела в Москву. Узнала, что в одном из столичных театров идет этот спектакль. Вот и толкалась от одного прохожего к другому: как пройти в театр?

Несколько раз смотрела «Коварство и любовь», приглядывалась к игре актеров. А возвратившись, пришла сдавать.

— Принимала целая комиссия. Один за другим давали студенты монологи, речи, отрывки. В жюри сидели опытные педагоги, артисты из «Лучафэрула», — вспоминает Галина, я думала, что меня вызовут второй, третьей. Но ребята уходили, а я оставалась.

Это был маленький класс с возвышением посредине, которое заменяло сцену. Ее вызвали самой последней. Первое, что она сделала — вслу-

И вот теперь, после поездки в Москву, можно было доверить роль.

...Осталось переводить еще несколько минут, когда в комнату вошел режиссер. Она кивнула: сейчас! И он ждал. А потом, после окончания спектакля, спросил, не хочет ли она сыграть одну роль для души. Так и сказал: для души.

В Доме актера МТО решили поставить интересный спектакль. И вот, если б она согласилась!

Галя была согласна. В голове вертелись первые попавшиеся, сугубо канцелярские фразы: «Конечно. Я давно мечтала. Оправдаю ваше доверие» — и множество других, похожих.

— Вам предстоит сыграть Эдит Пиаф!

И вместо канцелярщины, (боже, какая роль, другие всю жизнь о такой мечтают!), она брякнула удивленно:

— Ого!

Шла домой и все стихи читала, какие знала.

Вспомнилось, как начинала с самого обычного для всех желающих стать антрами репертуара. Выучила в школе отрывок из романа «Молодая гвардия» Фадеева басню «Волк и ягненок» Крылова. Стихотворение Огарева. С ними выступала на всех вечерах художе-

